

УДК 141.7:172,4(477)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИЕТАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

канд. филос. наук, доц. О.И. ГУК

(Национальная академия государственного управления при Президенте Украины, Львов)

Исследуются актуальные проблемы в современных условиях в Украине и глобализованном мире. Подробно проанализированы основные понятия памяти и забвения, а также основные концепции западных ученых по проблемам памяти, в частности, М. Хальбвакса, Я. Ассманна, П. Норы, П. Коннертона и др. Большинство из них использует термин «коллективная память», который был введен в научный оборот М. Хальбваксом. Значительное внимание уделяется структурному и функциональному анализу коллективной памяти как социального явления, различающего разные типы памяти, которые в определенной степени влияют на формирование социальной культуры.

Выделены две основные тенденции для решения вопросов национальной политики памяти в украинском обществе: чрезмерные и недостаточные. В контексте второй тенденции рассматривается конкретная «память жертв» как своего рода коллективный механизм, что приводит к забыванию прошлых событий, которые общество переживает как травматические. Подчеркивается необходимость обсуждения этих вопросов в публичном дискурсе и работы над формированием социальной культуры, способствующей консолидации нации.

Ключевые слова: историческая память, коллективная память, культурная память, коммуникативная память, культурная идентичность, общественная культура.

Описать и понять любое общество можно только через призму его собственной системы социальных отношений, норм и ценностей, которая является культурным качеством общества. Такие культурные качества имманентно присущи как отдельным индивидам, так и целым обществам, часто в глубинном скрытом виде. Они проявляются во всех достижениях человеческой цивилизации, сохраняясь и в кризисные периоды культурной истории, в частности, в периоды войн, революций и т.п.

Социально-эмпирические исследования позволяют выявить длительные периоды истории, в течение которых проявляются близкие и даже идентичные культурные образцы: виды деятельности, способы поведения, особенности мышления, верований, проявления творчества, моральных и правовых норм и т.п. Эти продолжительные образцы культурной жизни общества эмпирически устанавливаются только потому, что сами они обладают логически значимой сутью – культурно-ценностным ядром социальной системы. Сама перманентность существования этих образцов, обеспечение преемственности в их сохранении и передаче последующим поколениям возможны лишь благодаря такому важному конструкту, как память.

Под конструктом мы понимаем определенный идеальный объект, созданный сознанием, самодостаточное явление (феномен), что проявляет самого себя и непосредственно дается сознанию. Очевидно, что наиболее уместно в данном исследовании применить феноменологическую методологию, которая и базируется именно на таком понимании сознания.

В современном мире проблема памяти стала предметом особого внимания исследователей в области философии, социологии, государственного управления, политологии, психологии, истории. Здесь сложно не согласиться с известным французским теоретиком памяти П. Норой, который утверждает, что «... мы живем в эпоху торжества памяти <...> Мир захлестнула волна воспоминаний, прочно соединив верность прошлому-настоящему или представлений – с чувством принадлежности, с коллективным и индивидуальным самосознанием, с памятью и идентичностью» [1].

Для начала остановимся на детальном анализе исследуемого понятия. Еще один современный французский исследователь Ж. Болак предлагает определять память через «способность овладевать и актуализировать прошлое, мысль-воспоминание, т.к. «охватывает деятельность духа в самом широком смысле, что порождает многочисленные ассоциации, до военного насилия и безумия» [2, с. 351]. В контексте современных событий в Украине, да и во всем мире, мы имеем возможность убедиться, насколько мощной является эта способность человеческого духа, какие острые противоречия может она вызвать как внутри общества, так и между различными нациями или государствами. Утверждение своего концепта памяти, своей исторической правды через насилие, навязывание своей позиции может привести к чрезвычайно острым конфликтам.

Очевидна также и угроза мифологизации памяти. Ведь ей, как и многим другим сложным философско-психологическим понятиям, присуща амбивалентность. С одной стороны, ее возрождают, вос-

становливают, шлифуют как самое ценное сокровище нации, а с другой – забывают, подчиняют уже четко сформированным мифологемам, запечатленным в прошлом.

Данную амбивалентность Ж. Болак интересно демонстрирует через сравнительный анализ французской и немецкой речи (поскольку в английском языке слова и «память» (*memoir*), и «помнить» (*memoir*) свидетельствуют о совместном латинском происхождении).

Во французском языке двойственность понятия памяти (*memoire*) оказывается в различии между активным действием – *se rappeler* (вспомнить) и почти невольным неожиданным появлением – *se souvenir* (отдаваться воспоминаниям).

Будучи не-забвением или формой антизабвения, память постоянно связана с этим самым забвением, которое как бы стремится вернуться к естественному состоянию и заставляет работать систему отбора.

Поэтому важно продемонстрировать связь понятия памяти с ее противоположностью – забвением. «Английский (*forget*) и немецкий (*vergessen*) указывают на мощность потока, относят следы опыта словно за пределы досягаемости», – подчеркивает Ж. Болак [2]. Глубинное понимание феномена памяти невозможно без стремления постичь эти пределы человеческого сознания.

Для полноты сравнительного анализа обратимся к украинскому толковому словарю. «Память – 1) способность запоминать и воспроизводить в сознании прошлые впечатления или пользоваться определенным органом чувств; 2) запас впечатлений, хранящихся в сознании, которые могут быть воспроизведены; 3) упоминание о чем-то; 4) способность разумно мыслить, рассуждать, сознание. Помнить – хранить в памяти, не забывать, осознавать, понимать, учитывать, знать» [3, с. 627].

Похожее определение находим в Толковом словаре Ожегова: «Память – 1) способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт, а также самый запас хранящихся в сознании впечатлений, опыта; 2) то же, что воспоминание о ком или чем-нибудь; 3) то, что связано с умершим (воспоминания о нем, чувства к нему); 4) памяти чего-то, в честь кого-нибудь умершего или какого-нибудь важного события в прошлом» [4].

Так же противоположная категория «забвение» подается в нескольких значениях: 1) состояние того, кто отстранился от ежедневных забот; 2) состояние глубокой задумчивости; 3) потеря ощущения окружающей действительности, состояние дремоты, бегство от действительности. Забывать – 1) не хранить что-либо в памяти; 2) переставать думать, переставать чувствовать благодарность, уважение; 3) пренебрегать кем-то или чем-то [3, с. 310].

В русском варианте: «Забвение – 1) утрата памяти о чем-нибудь, чего-нибудь; 2) пренебрежение тем, чем нельзя пренебрегать (своими обязанностями, приличиями); 3) то же, что забыть» [4].

Однако в контексте нашей проблемы важно акцентировать внимание на том смысле понятия памяти, который указывает на ее родство с сознанием, способностью разумно мыслить, знать. Этот смысл подчеркивает и Оксфордский словарь: «Memory – 1) the faculty by which the mind stores and remember information» (в смысле свойства нашего ума хранить и запоминать информацию). И уточняется: «the mind regarded as a store of things remember» (ум расценивается как место вещей, содержащихся в памяти). Наиболее подходящий синоним – «ability to remember» (способность запоминать) [5].

Именно этот аспект дает нам возможность исследовать процесс влияния на глубинный подсознательный уровень ментальности посредством четких рациональных механизмов. Ведь именно благодаря конструированию собственной исторической памяти мы можем влиять на формирование новой культурной идентичности, искать то общее, что способно объединить в нашем нынешнем обществе представителей различных национальных идентичностей в единую политическую нацию. И под этим общим мы подразумеваем достаточно популярное для постмодерной эпохи понятие «социетальная культура», т.е. те нормы, принципы, ценности, традиции, которые способны объединять поликультурное сообщество. А значит, оно должно сохраняться в его памяти.

В философском энциклопедическом словаре, изданном Украинским институтом философии им. Г. Сковороды, исследователь П. Йолон предлагает именно гносеологическое определение памяти как одной «из познавательных способностей, которая заключается в самопроизвольном закреплении, сохранении и воспроизведении в сознании субъекта полученных в процессе познавательной деятельности сведений о субъективном и объективном мирах, результаты их творческой переработки, условий и способов отображения» [6, с. 463]. При этом он выделяет индивидуальную и коллективную, или социальную, память. Именно вторая выражается в проявлениях общественно-исторического опыта, общественном сознании, культуре и реализуется через общение.

Исследователь Е. Андрос определяет память социальную как «коллективную память человечества, внегенетическую память человека, казну ее производственного, познавательного и коммуникативного опыта, которая выступает основой творческой деятельности и базой формирования духовного мира ...» [6]. При этом он отмечает, что социальная память выступает как «реализация культурной преемственно-

сти на уровне духовно-практического и духовного освоения мира <...> обуславливает осуществление общезначимого через жизнедеятельность индивида, смысложизненный поиск отдельного носителя как составляющей универсама человеческого бытия» [6].

Одним из первых к этой проблеме обратился в XX в. французский мыслитель М. Хальбвакс, который выделил три основных конструкта памяти: автобиографическую, историческую и коллективную. Мы воспользуемся этой классификацией, которая актуальна и сегодня. Итак, автобиографическая память, согласно М. Хальбваксу, базируется на непосредственном жизненном опыте личности, поэтому она очень индивидуальна и личностна, даже экзистенциальна.

Наибольшее внимание исследователь уделил коллективной памяти, под которой он понимал активное прошлое, которое формирует идентичность сообщества и мировоззрение человека в соответствии с социальной группой, с которой он себя идентифицирует. Процесс, благодаря которому индивидуальные воспоминания интегрируются в коллективную память, исследователь связывает с традицией, которая сохраняет, закрепляет или модифицирует социальные рамки, под которыми он понимал всю систему общественных ценностей, традиций, идеалов [7]. И подчеркивал, что «наше индивидуальное мышление является способным помнить только потому, что находится в этих, *социальных*, (курсив мой – О.Г.) рамках и участвует в коллективной памяти» [8, с. 29].

Историческая память – это то, что формируется на базе исторических трудов, а значит официальной исторической концепции. И именно этот вид памяти конструируется социальными и государственными институтами. Но выдержать испытание временем историческая память может только при условии прочной опоры на социальный контекст. Это означает, что в процессе разработки концепции официальной исторической памяти необходимо очень деликатно и тщательно учитывать коллективную память, которая должна восприниматься обществом как правдивая, т.е. соответствующая исторической действительности. Следующий важный шаг – закрепление этого процесса определенными ритуальными действиями, традиционными празднованиями и т.п. Этот механизм способствует выработке определенных норм и ценностей, способных объединять общество. Все это очень важные компоненты формирования социетальной культуры. Процессы эти довольно консервативны, но изменения и корректировки традиций часто становятся насущными требованиями конкретной эпохи. Правда, при иницировании этих изменений важно учитывать психологические аспекты формирования новых установок в общественном сознании.

Таким образом, коллективная память – это конструкт коллективного творчества. По мнению М. Хальбвакса, каждая социальная группа, каждая нация создает память о своем прошлом, что в свою очередь, формирует идентичность этой группы (национально-культурную идентичность) по отношению к другим социальным группам, нациям и народностям. Однако это не устойчивый феномен, сложившийся однократно и навсегда. Социальная группа меняет его согласно требованиям времени, и каждое новое поколение таким образом демонстрирует собственное представление, каким было его прошлое. Соответственно социальные рамки коллективной памяти гибки и динамичны, они могут меняться.

В связи с этим в центре внимания исследователей, по нашему мнению, следует поставить активное исследование основных методик и техник реконструкции прошлого для формирования собственной концепции исторической памяти нации. Также следует четко систематизировать основные категории. Но, самое важное – находить общие точки соприкосновения и выработать общую систему ценностей через призму восприятия и понимания своего прошлого у представителей различных национально-культурных идентичностей современного общества.

Отдельного внимания в данном контексте заслуживает подход немецкого исследователя Я. Ассмана, который дифференцировал понятие коллективной памяти, выделив структурно коммуникативную и культурную память. Остановимся сначала на характеристике понятия «культурная память», которое по мнению исследователя, касается внешнего измерения человеческой памяти, т.е. общественных и культурных условий, влияющих на особенности восприятия, содержание определенной информации в памяти, ее силы и мощности [9, с. 152]. Отказавшись от понятия социальных рамок М. Хальбвакса, Я. Ассман взамен вводит свое – «точки фиксации», т.е. важные, решающие и судьбоносные события прошлого, которыми оперирует культурная память. Поддерживать их следует с помощью ритуалов, текстов, ценных культурных артефактов, а также путем институциональных коммуникаций (общественных мероприятий, празднований). Таким образом в культурной памяти общества создаются своеобразные «фигуры памяти» (термин Я. Ассмана).

Итак, концепт культурной памяти охватывает целый комплекс важных текстов, ритуалов, символов, образов, разнообразных артефактов, традиций и праздников, который обеспечивает формирование определенного коллективного знания, т.е. осознание каждым представителем своей принадлежности к данной группе. Это общее прошлое и объединяет эту группу, способствует формированию единой национально-культурной идентичности, в противовес другим, чужим, идентичностям. Фактически

Я. Ассман намечает четкую методологию формирования конструкта культурной памяти. То есть, концептуализирует понятие культурной памяти, рассматривая ее как символическую форму передачи и актуализации культурных смыслов, выходит за рамки отдельных людей и формализуется в разного рода мемориальных знаках: памятных местах, датах, церемониях, памятниках и т.п. Итак, культурная память является ключевым моментом формирования социетальной культуры общества.

В то же время под коммуникативной памятью исследователь понимает воспоминания современников событий о недавнем прошлом, непосредственными свидетелями которого они были, пережили их непосредственно. Эти воспоминания могут передаваться в пределах нескольких поколений (обычно двух–трех) и усиливаться повседневными дискурсами, в условиях непосредственной коммуникации, живого общения между людьми. Это живая память, которая отражает собственные представления членов группы о том, что они считают своим прошлым, и на этой основе консолидирует группу.

Вслед за М. Хальбваксом Я Ассман отмечает, что прошлое невозможно законсервировать. И как бы мы не пытались его сохранить, оно постоянно опосредуется современным, интерпретируется по-новому. То, в какой степени происходит это опосредствование и интерпретация, зависит от духовных потребностей поколения, интеллектуального потенциала как отдельных индивидов, так и больших социальных групп. Особенную роль здесь должны играть духовно-интеллектуальная и политическая элиты, поскольку именно в их компетенции выстраивать основные смыслы и символы, которые закладывают основы культурной памяти. Ее истинность должна подтверждаться личными воспоминаниями очевидцев тех или иных событий. Спорные, болезненные вопросы, касающиеся недавнего прошлого, следует обязательно обсуждать в открытых общественных дискурсах. Яркий пример такой проблемы на современном этапе – события Второй мировой войны. Практически все европейские страны, особенно на постсоветском пространстве, столкнулись с необходимостью переосмыслить определенные «точки фиксации» тех событий, которые часто могут быть болезненными для очевидцев и вызывать внутреннее сопротивление.

Именно поэтому открытое обсуждение этих проблем имеет существенное значение, ограничивая таким образом путь внешним манипуляциям. Публичный дискурс позволит, во-первых, свести к минимуму искажение исторических фактов; во-вторых, сформировать взгляд на прошедшие события изнутри, а не на основании застывших догм; в-третьих, организовать воспитательный процесс на принципах толерантности и взаимоуважения. И, наконец, публичный дискурс будет способствовать формированию мировоззрения свободных личностей, способных критически мыслить, анализировать, делать необходимые выводы. Стремление воспитывать патриотов своей страны не может быть оправданием для циничных манипуляций сознанием молодого поколения. Важно закладывать прочную базу ценностных ориентиров и приоритетов. И только в таком случае мы сможем говорить о формировании нового конструкта «коллективной» (М. Хальбвакс) или «культурной» (Я. Ассман) памяти, который позволит выстроить стратегию политики национального примирения общества. Именно поэтому необходимо со всей ответственностью разработать стратегию формирования исторической памяти, которая будет влиять на формирование новой национально-культурной идентичности украинцев и других народов на постсоветском пространстве.

Вместе с тем отметим, что следует избегать крайностей, таких противоположных тенденций в отношении к проблемам национальной памяти, как: тенденция избыточности (когда сформирована четкая целенаправленная политика, основанная на выработке механизма обеспечения прочной и устойчивой идентичности через содержание прошлого); тенденция нехватки, своеобразного «коллективного забывания», по определению американского исследователя П. Коннертона [10] (эта тенденция обычно связана с проблемой травматической, или виктимной, памяти). В первом случае мы сталкиваемся с угрозой формирования застывшей, законсервированной, единственно правильной идеологии, присущей тоталитарной системе; во втором – с последствиями модели, ярко прослеживающимися в феномене постсоветской амнезии.

Обе тенденции тяготеют к определенным крайностям, которые препятствуют выработке здорового подхода к проблеме формирования такой политики исторической памяти, в которой нуждается открытое общество.

И для психологического здоровья нынешней нации, и ради ее будущего мы не имеем морального права замалчивать спорные и болезненные страницы нашей истории. Молчание представляет особую опасность не только для тех людей, которые пережили эту травму, но и для общества в целом, поскольку именно коллективная амнезия и приводит к глубинным психологическим комплексам нации и общества. Об этом очень красноречиво пишет Г. Розенталь: «Если опыт не может быть артикулированным, то возникает опасность того, что жертвы «застранут» на том, что пережито, не смогут дистанцироваться от прошлого» [11].

Эту проблему можно экстраполировать и на индивидуальный травматический жизненный опыт личности. Психологические механизмы защиты, которые начал исследовать еще Фрейд, могут быть различными. Однако бегство от проблем и болезненных переживаний прошлого не способствуют их решению, а тем более психологическому здоровью травмированной личности. Основная задача метода психоанализа состоит в том, чтобы помочь пациенту понять суть проблемы, рационально ее осмыслить, сделать соответствующие выводы и не повторять подобных ошибок в будущем. Такая позиция характеризует здоровую и психологически зрелую личность. Тогда как замалчивание этих проблем – признак инфантильного, незрелого индивида. Похожая ситуация вырисовывается и в вопросе виктимной памяти общества. Спорные и болезненные страницы нашей истории обостряют множество коллективных травм.

Более того, социологические исследования свидетельствуют, что в украинском обществе сейчас нет ни одной исторической личности, события, факта истории, особенно истории XX в., которые служили бы объединяющим фактором для всей нации. Напротив, вопрос языка, традиций, исторических персоналий и фактов является, скорее, фактором разъединяющим.

Однако вся новейшая история и события в Украине последних четырех лет, в частности, несмотря на болезненность и травматичность, оказались наполненными такими фактами, которые смогут выступить консолидирующими для формирования новой украинской идентичности и социетальной культуры. Речь идет о культуре общенационального уровня, которая будет интегрирующей для различных групп поликультурного украинского общества. И главной особенностью этой культуры, что, к примеру, отмечает современная украинская исследовательница А. Колодий, станет формирование превосходящих ценностных акцентов [12], т.е. четкой системы ценностей, выражающей общее видение своего будущего, определенные социальные и национально-культурные идеалы.

Таким образом, мы имеем сейчас веские основания для выработки такого конструкта исторической памяти, который должен сыграть сплачивающую роль для украинского общества. К этому процессу следует привлекать как духовно-интеллектуальную, так и политическую элиту общества, а также институты гражданского общества. И только на основе широкого общественного дискурса с привлечением непосредственных очевидцев событий из разных регионов страны, активизируя коммуникативную память, сможем определить общие социальные рамки, в пределах которых будут закладываться основные ценности, новая социетальная культура и новая культурно-национальная идентичность. Это позволит создать в современном украинском обществе единую стратегию формирования национальной памяти, способствующей достижению важнейшей и прагматической цели – становлению новой украинской политической нации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нора, П. Всемирное торжество памяти / П. Нора // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре – 2005. – № 2/3(40/41). – С. 202.
2. Європейський словник філософій: лексикон неперекладностей : [пер. з фран.]. – 2-ге вид., випр. – Київ : Дух і літера, 2011. – Т. 1. – 576 с.
3. Сучасний тлумачний словник з української мови / за заг. ред. д-ра філол. наук, проф. В.В. Дубічинського. – Харків : Школа, 2006. – 1008 с.
4. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С.И. Ожегов. – Режим доступа: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=19838>. – Дата доступа: 22.02.2018.
5. English Oxford Dictionaries definitions [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/pdf>. – Дата доступа: 22.02.2018.
6. Філософський енциклопедичний словник – Київ : Абрис, 2002. – 742 с.
7. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти [Электронный ресурс] / М. Хальбвакс ; пер. с франц. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. – М. : Новое издательство, 2007. – Режим доступа: http://lib100.com/book/memory/frames_memory. – Дата доступа: 22.02.2018.
8. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2005. – № 2/3(40/41). – С. 22–36.
9. Ассман, Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М.М. Сокольской. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 152. – Режим доступа: www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/speckurs/assman.pdf. – Дата доступа: 22.02.2018.
10. Коннертон, П. Як суспільства пам'ятають / П. Коннертон ; пер. з англ. С. Шліпченко. – Київ : Ніка-Центр, 2004. – 184 С.
11. Розенталь, Г. Цілюща дія розповідання історій: до питання про умови розповідання історій у контексті дослідження та терапії [Електронний ресурс] / Г. Розенталь // Схід-Захід : істор.-культуролог. зб. – Вип. 11/12 : Усна історія в сучасних соціально-гуманітарних студіях: теорія і практика досліджень / за ред. В. Кравченка та Г. Грінченко. – 2008. – С. 52. – Режим доступу : https://keui.files.wordpress.com/2010/12/04_rosenthal.pdf. – Дата доступа: 22.02.2018.

12. Колодій, А. Соціетальна культура як чинник національної консолідації / А. Колодій // Консолідація українського народу: конституційно-правові аспекти [Текст] : зб. стат. за матер. наук.-практ. конф., Львів, 28 лютого – 1 березня 2013 р. / ЛНУ ім. Івана Франка. – Львів : ЛНУ ім. Івана Франка, 2013. – С. 40–54.

Поступила 27.03.2018

HISTORICAL MEMORY AS A FACTOR OF THE FORMATION OF SOCIETAL CULTURE

O. HUK

The article is dedicated to research of relevant problems in the modern conditions in Ukraine and in the globalized world. The scientific research based on the phenomenological, hermeneutic methodology, as well as elements of psychoanalysis. The author analyzes the concept of memory and oblivion in detail. The comparison based on the basic concepts of Western scholars regarding memory problems, particularly: M. Halbwachs, J. Assmann, P. Nora, P. Konnerton and others. Most of them use the term “collective memory”, which was introduced into scientific circulation by M. Halbwachs. At the same time, significant attention is paid to structural and functional analysis of collective memory as a social phenomenon, distinguishing different types of memory, which, to some extent, influence the formation of societal culture.

The author identifies two main trends to address issues of national memory policy in Ukrainian society: excessive and insufficient. In the context of the second trend the author analyzes specific “victim memory” as a kind of collective mechanism which leads to forgetting the past events that are experienced by society as traumatic. But modern society should be sure to discuss these issues in the public discourse. So now it is very important to work on the elaboration of a societal culture, which can consolidate nation.

Keywords: *historical memory, collective memory, cultural memory, communicative memory, cultural identity, societal culture.*